«Про уродов и людей»: гетеросексуальность и лесбийство

Надежда Нартова

Сексуальность как область жизнедеятельности человека зачастую редуцируется к природному и естественному – то есть к биологически детерминированной составляющей жизни. Тем не менее, как и другие аспекты человеческого поведения, «конкретные институциональные формы сексуальности в любое время и в любом месте являются продуктами человеческой активности и насыщены конфликтами интересов и политическим маневрированием» (Рубин, 2001: 465). Трансформации, происходящие в России в последние 15-20 лет, затронули все сферы жизни человека и общества, в том числе и сексуальность. Появившаяся в поле публичного обсуждения гомосексуальность признана в качестве существующей практики, однако так и не став при этом равноправным гетеросексуальности образом жизни. В данной статье мы предлагаем рассмотреть, каким образом репрезентируется/конструируется лесбийство[1] в поле общественного обсуждения.

В советском обществе официальный гендерный контракт и контракты в повседневной жизни были гетеросексуальными, а гомосексуальный находился за пределами допустимого: мужская гомосексуальность на добровольной основе каралась уголовным наказанием (уголовное наказание было введено в 1934 г.), а лесбийство подлежало принудительному психиатрическому лечению: «Гомосексуализм является тяжелым нарушением. При этом часть людей глубоко страдают от своей патологии, чувствуют себя несчастными, становятся неустойчивыми по отношению к различным психотравмирующим воздействиям…однако значительная часть больных… не считают свое состояние противоестественным и не желают лечиться» (Свядощ, 1988: 144-145). Несмотря на то, что до сих пор неизвестно, какое количество женщин действительно подверглось психиатрическому лечению, «возможность получить диагноз душевнобольной на сексуальной почве и насильственное лечение в советском психиатрическом учреждении, следующее в этом случае, работали преимущественно на символическом уровне. Эта возможность рассматривалась как угроза.

Если женщина слишком далеко выходила за пределы предписанного, угроза лечения могла заставить ее вернуться в семью мужчины» (Роткирх, 2002: 455).

Демократические изменения, повлекшие изменение положения гомосексуалов, начались в 1987 г. с открытого публичного обсуждения проблемы гомосексуальности учеными и журналистами. В 1990 г. произошел выход на арену борьбы представителей самих сексуальных меньшинств и возникновение гей/лесбийских организаций и изданий (Кон,1997: 354), выдвигающих на первый план проблему прав человека, способствующую превращению проблемы из медицинской в политическую.

Таким образом, гомосексуальность в этот период декриминализируется и депсихиатризируется: произошли отмена уголовного наказания за добровольную мужскую гомосексуальность в 1993 году и прекращение медицинского преследования лесбиянок. В то же время гетеросексуальность по-прежнему осталась доминирующей культуральной нормой, поддерживаемой традицией и социальными институтами, а гомосексуальность была выделена в особое допускаемое, но не явно репрезентируемое пространство.

Несмотря на возросшую в современности роль экспертного/научного знания, «производящего истину», тема гомосексуальности в основном остается закрытой для российской академической науки. Так, по составленной С.И. Голодом и Л.В. Кузнецовой (Голод, Кузнецова, 2002) аннотированной библиографии за период 1991-2000 гг. «Социальные проблемы сексуальности» можно проследить, что из 187 опубликованных работ по сексуальности гомосексуальности посвящены 16, а исключительно лесбийству всего две (Жук, 1998; Нартова, 1999), и одна – «сексуальным извращениям» (на примере гомосексуальности) у осужденных женщин (Волков, Калинченко, Пищелко, 1992). При этом интересно, что авторы-составители библиографии маргинализируют тему гомосексуальности/лесбийства уже во введении: «…бросается в глаза неравномерность представительства тех или иных сюжетов; так, гомосексуальности (в том числе и лесбиянству), женской проституции и различным видам насилия (детского и семейного) уделяется значительное и, более того, от года к году все возрастающее внимание, напротив, другие темы – никак не менее важные – находятся «в тени»: скажем, утрата браком монопольного контроля за сексуальностью… По-видимому, такие «флюсы» объясняются их безобидностью, с одной стороны, и сенсационностью – с другой» (Голод, Кузнецова, 2002: 7).

Для анализа репрезентации/конструирования лесбийства в печатных СМИ мы выбрали обладающие максимальным тиражом еженедельные газеты или еженедельные приложения газет (носящие публицистический, а не новостной характер) в трех группах: 1. Официальные СМИ: «Российская газета» (еженедельное приложение «выпуск выходного дня») (тираж 411165 экз.); 2. Общероссийские СМИ: газета «Аргументы и факты» (тираж 2964000 экз.); 3. Местные СМИ: газета «АиФ Петербург» (тираж 162100 экз.). Временной период

мы определили относительно «критической точки» по этому вопросу последних лет: в апреле 2002 года в государственной Думе были вынесены законопроекты о рекриминализации гомосексуальности – как мужской, так и женской, то есть рассмотрели дискуссию о гомосексуальности за равные промежутки времени до и после этого события (материалы за 2001, 2002 и 2003 (по май) годы).

При анализе дискурса гомосексуальности/лесбийства в СМИ была применена методика «анализа категоризаций», разработанная Х. Саксом и Д. Сильверманом, позволяющая реконструировать то, как создается (конструируется и репрезентируется) лесбийство посредством 1) выделения категорий, в которых описывается лесбийство; 2) выделения лексем, обозначающих виды действий и отношений, которые автор связывает с данными категориями; 3) реконструкции моральных оценок, которыми наделяются данные категории и соответствующие им действия и отношения (Здравомыслова, Темкина, 2002: 552).

При сплошном анализе печатных изданий[2] в 375 номерах газет за период с января 2001 года по май 2003 года было обнаружено 44 статьи, посвященных/упоминающих гомосексуальность, из них материалов посвященных/упоминающих лесбийство – 22[3]. Из всего массива выделенных материалов только 4 статьи посвящены исключительно женским однополым отношениям: одна – лесбийскому родительству (*АиФ*, № 1121), вторая – истории жизни женщины «из городка К. Ивановской области» (*АиФ*, № 1114), третья – истории изменения образа жизни 65летней пенсионерки (*АП*, № 496) и четвертая – статья о лесбийской фотовыставке в Петербурге (*АП*, № 423). Еще в 18 статьях лесбийство упоминается ситуативно, в контекстах: 1. Популярного искусства и его представителей (эстрада, театр, телевизионные шоу); 2. Женских пенициарных учреждений; 3. Профессионального спорта и его представителей (теннис); 4. Повседневных сексуальных практик; 5. Законопроектов о рекриминализации гомосексуальности; 6. Положения гомосексуалов на Западе.

В российской прессе лесбийство репрезентируется как явление, имеющее конкретные территориально-культурные корни – *«Лесбийская любовь пришла к нам с легендами с острова Лесбос»* (*РГ*, № 2898). Правильное знание о лесбийстве производит медицина: *«Врачи говорят…»* (*РГ*, № 2898). Лесбийство имеет психологическую природу (*«…она обусловлена не физиологическими, а психическими факторами»* (*РГ*, № 2898)), то есть хотя вступить в лесбийские отношения может женщина в любом возрасте (*«Жила-была обыкновенная бабушка…»* (*АП*, № 496)), однако необходимы психологические, внутренние предпосылки: *«при виде воркующих друг с другом женщин, тем более юных девушек, у бабушки начиналось какое-то непонятное сердцебиение…шла гулять, чтобы унять воображение»* (*АП*, № 496). Лесбийские отношения характеризуются как отклонение от нормы (*«Но с отклонениями: она любила женщин» (АиФ*, № 1106-7)), вызывающие психологичес-

кие проблемы (*«Ярким примером может служить история одной семьи, хорошо знакомой питерским психологам, занимающимся проблемами таких людей»* (*АиФ*, № 1121)), скрываемые от посторонних (*«Совершенно случайно мы узнали…»* (*АиФ*, № 1121)), признанные существующими, но не одобряемые: *«…сексуальные меньшинства большинством все-таки не приветствуются»* (*АиФ*, № 1121).

В лесбийские отношения вступают определенные группы женщин: 1. Женщины-преступницы, как в местах лишения свободы (*«Женская любовь» на зоне – злостное нарушение порядка, и администрация с ним активно борется. Но, как говорится, отдельные случаи бывают»* (*АиФ*, № 1112)), так и после освобождения (*«поселившаяся в их доме после отсидки за хулиганство, грабеж и попытку убийства» (АиФ*, № 1114)). 2. Женщины, брошенные мужьями: *«муж бросил Олю»* (*АиФ*, № 1121), *«Эта «папа» завелась у мамы, когда настоящий папа ее бросил» (АиФ*, № 1121). 3. Женщины-спортсменки: *«лет десять назад в женском теннисе было очень много лесбиянок» (АиФ*, № 1164); 4. Творческие женщины (например, актрисы: *«Фаина Раневская…любила женщин» (АиФ*, № 1106-7)).

Несмотря на то, что «сподвигнуть» женщину к лесбийству может одиночество (*«Не хватало чего-то другого. Общения, что ли.»* (*АП*, № 496)), основной причиной вступления в лесбийские отношения является разочарование в мужчинах: *«поэтому она разочаровалась в мужчинах вообще, стала общаться только с женщинами…»* (*АиФ*, № 1121), *«Минуло тридцать лет со дня свадьбы, прежде чем Аграфена осознала, что жизнь не удалась… «И где она, любовь настоящая, счастье семейное? – рыдала по ночам Аграфена»* (*АиФ*, № 1114). При этом муж описывается как отрицательный герой (*«Муж…был…пьяницей, распутником, лжецом»* (*АиФ*, № 1121)), не проявляющий сексуальной заинтересованности: *«Последние десять лет супруг к ней почти не прикасался. Даже не целовал»* (*АиФ*, № 1114). Осознание гомосексуального желания сопряжено с обесцениванием гетеросексуального опыта (*«все, что она знала в свои 65 лет о любви, оказалось напрасным и ненужным»* (*АП*, № 496)) и переосмыслением отношения к мужчинам и их «качества»: *«пыталась вспомнить мужа – на память приходили только его грязные носки и храп…»* (*АП*, № 496).

В лесбийских парных отношениях воспроизводятся гетеросексуальные ролевые различия: одна из женщин является пассивным реципиентом ухаживаний (*«…она не стала этому противиться»* (*АиФ*, № 1121)), вторая активным мужеподобным агентом взаимодействия (*«…симпатичная, но несколько мужеподобная Нина начала проявлять к ней интерес»* (*АиФ*, № 1121)). Активные женщины-лесбиянки представлены как посягающие на мужские роли: они не только репрезентируют себя как мужчин (*«…носит мужские костюмы, бреется наголо и говорит о себе в мужском роде»* (*АиФ*, № 1121)), но и

присваивают статус мужчины в семье: *«...детям она представлялась не подругой матери, а ее... мужем» (АиФ*, № 1121). А также используют «биологические особенности лесбиянок» для достижения каких-либо целей: *«Но исследования показывают, что у активных лесбиянок повышенное количество мужских гормонов. А это дает большое превосходство над соперницей»* (*АиФ*, № 1164). Женщины-лесбиянки являются мужененавистницами, проявляя это в повседневной жизни на уровне разговоров (*«мама ему ежедневно демонстрирует неприятие мужчин вообще» (АиФ*, № 1121)), однако могут дойти и до совершения преступления: *«На следствии Аграфена Петровна рассказывала, что муж надоел ей хуже горькой редьки. Поэтому вместе с Катериной они и решили избавиться от него... На зоне Аграфена была в почете и у зэчек, уважающих мужеубийц...»* (*АиФ*, № 1114).

Отношения между женщинами в паре могут быть удовлетворительными (*«Когда говорят, что у нее не сложилась личная жизнь, это неправда. Сложилась»* (*АиФ*, № 1106-7)): женщины разделяют не только заботу друг о друге, но и заботу о детях одной из партнерш (*«Нина переехала к Оле, вместе с ней заботилась о детях»* (*АиФ*, № 1121)). Однако, согласно текстам *АиФ*, лесбийские парные отношения не являются семьей (*«Такая семья не только полной семьей не считается – она не считается семьей вообще»* (*АиФ*, № 1121)), потому что несостоятельны как родительские: во-первых, они не приводят к деторождению (*«женщина должна детей рожать, а не заниматься ерундой»* (*АиФ*, № 1126)); во-вторых, имея детей от предыдущего гетеросексуального брака, они не способны воспитать полноценных детей (*«Ребенку из подобной «ячейки общества» можно только посочувствовать...» (АиФ*, № 1121)). Дети одной из партнерш, рожденные в гетеросексуальных отношениях, не только вырастают замкнутыми, странными, с плохой успеваемостью в школе, но отсутствие мужчины в доме (*«сын отца не помнит, мужчин в доме не видел»* (*АиФ*, № 1121)) приводит к нарушениям идентичности: *«он сам интересуется только мальчиками, но ведет себя как девочка»* (*АиФ*, № 1121). Воспитание детей в лесбийской семье опасно негативными непредвиденными последствиями, которых еще никто не знает: *«Трудно сказать, какие комплексы формируются в его бедной голове, но то, что они будут мешать ему жить, – это однозначно»* (*АиФ*, № 1121).

Из вышесказанного мы можем сделать вывод, что лесбийские отношения признаются существующими на уровне повседневных практик в ситуациях отсутствия мужчин: 1) в специфических условиях гомогенного окружения – в тюрьмах, таким образом, лесбийство криминализируется и редуцируется к уголовным практикам; 2) в ситуациях неудачного гетеросексуального опыта – женщины, брошенные «плохими» мужчинами – лесбийство рассматривается как посттравматический синдром; 3) в особенных сферах деятельности, где женщины являются активными агентами (спорт) и допускается некая экстра-

ординарность поведения (актерская профессия) – лесбийство профессионализируется, то есть приписывается определенным профессиям. Женщины-лесбиянки рассматриваются как «неправильные» женщины, у которых не сложилась «женская судьба», то есть они не реализовались как «женщины», и они либо замещают мужчин «мужеподобными» женщинами, либо стремятся занять мужские позиции и выполнять мужскую роль. При этом лесбиянки демонстрируют неприятие мужчин, нарушая, таким образом, гетеросексуальность не только как сексуальную практику, но и как культурную норму. Женщины-лесбиянки не способны к выполнению традиционной женской роли – материнства, потому что лесбийские отношения не приводят ни к деторождению, ни к «правильному» воспитанию. Тем самым подчеркивается обязательная необходимость «биологического» мужчины в семейных отношениях. Неправомерность отсутствия мужчины в браке усиливается моральной паникой о непредвиденных последствиях воспитания детей в лесбийской «семье».

Несмотря на то, что лесбиянки все разные (*«…эти женщины могут быть молодыми и пожилыми, стройными и полными…»* (*АП*, № 423)), для них характерно стремление к созданию гомогенного окружения (*«…была ошеломлена: только женщины, девушки и девочки! Ни одного мужика»* (*АП*, № 496)) и чувство солидарности и заботы друг о друге (*«Чтобы «новенькая» чувствовала себя комфортно, ее все клубные завсегдатаи принялись опекать…»* (*АП*, № 496)). Однако забота о других в лесбийском сообществе может носить как агитационно-идеологический характер (*«Одна из них, ученая дама в очках, сказала, что женщина, которая всю жизнь подавляла свое естественное лесбийское влечение – по неразвитости или по требованию общества, – может в конце концов не только сойти с ума, впасть в тяжелую депрессию, но и получить рак»* (*АП*, № 496)), так и «сутенерско»-посреднический (*«…через пару месяцев Нине Семеновне представили Наташу – юную особу, приехавшую из провинции поступать в институт…»* (*АП*, № 496)), что приводит к тому, что женщины подпадают под влияние (*«…даме она поверила»* (*АП*, № 496)), и способны к необдуманным поступкам (*«она без колебаний поселила девушку у себя»* (*АП*, № 496)).

Чувство солидарности в сообществе помогает лесбиянкам пережить негативное отношение окружающих (*«Это большая радость понять, что ты не одинок»* (*АП*, № 423)), поэтому лесбиянки стремятся к организации «клубов» – мест сбора, в которых можно избежать гетеросексизма: *«можно спокойно обниматься, и никто на тебя косо не посмотрит»* (*АП*, №423).

Таким образом, подчеркивается, что лесбиянки склонны к созданию гомогенных неформальных сетей, в которых не только поддерживают друг друга, но и способны к влиянию на попавших туда женщин, «затягивая» их в гомосексуальность.

Возможность публичной репрезентации лесбийсва приписывается западной культуре, где есть не только сами гомосексуалы, причем в большом количестве (*«Из миллиона жителей около 200 тысяч – гомосексуалисты»* (*РГ*, № 2999), *«...мы открываем рынок услуг для двухмиллионного (!) представительства британских гомосексуалистов и лесбиянок...»* (*РГ*, № 2706)), но и комфортные условия для их существования в приватной и публичной сферах: во-первых, существуют публичные мероприятия геев и лесбиянок (*«В этом году традиционный парад секс-меньшинств...»* (*РГ*, № 2999), *«...в традиционном летнем параде геев и лесбиянок во Фриско...»* (*РГ*, № 2706)), ставшие составляющей культуры; во-вторых, высокопоставленные лица публично заявляют о своей гомосексуальности; в-третьих, интересы гомосексуалов защищаются правительствами (*«...среди почетных гостей немало видных политиков от левых партий. Ведь кто как не они, отстаивает права геев и лесбиянок в бундестаге»* (*РГ*, № 2999)) и коммерческими организациями (*«чтобы условия отдыхающим на них (курортах) геям и лесбиянкам были созданы такие же «душевные», как и для «традиционных» семейных пар»* (*РГ*, № 2706)); в-четвертых, легализация однополых партнерств, произошедшая во многих странах, не только узаконила однополые отношения, но и придала уверенности гомосексуалам (*«голубые» вдохнули запах свободы и расправили грудь»* (*РГ*, № 2760)).

Однако подобная свобода рассматривается негативно, потому что демонстрация гомосексуальности не только нарушает эстетическое чувство (*«Честно говоря, не очень приятно наблюдать за сексуальной откровенностью такого шоу, даже когда оно столь ярко раскрашено»* (*РГ*, № 2999)), но и представляет угрозу для гетеросексуальной части населения (*«Намерение английской турфирмы сколь революционно для гомосексуалов, столь опасно для людей с традиционной сексуальной ориентацией»* (*РГ*, № 2706)), потому что гомосексуалы, во-первых, соблазняют (*«Если на одном из заграничных пляжей вам игриво подмигнет представитель вашего же пола...он не шутит. А имеет весьма серьезные намерения»* (*РГ*, № 2706)), и, во-вторых, идеологически заинтересованы в распространении гомосексуальности (*«но реклама достижений в их рядах... наверняка привлечет новых поклонников»* (*РГ*, № 2898)). Подобное допущение гомосексуальности чревато ее неправомерным распространением: *«Чего-чего, а уменьшать большинство, даже во вред себе, мы научились»* (*РГ*, № 2898).

В России проблематика публичной репрезентации лесбийства связана преимущественно с выступлениями группы «Тату», причем такое лесбийство рассматривается как искусственное (*«девочки откровенно играют в лесбиянок»* (*АиФ*, № 1114)), используемое для достижения коммерческого успеха и популярности в шоу-бизнесе (*«коллективчик, мягко говоря, не выдающийся, а весь сыр-бор из-за нетрадиционной ориентации»* (*АиФ*, № 1105)), в кото-

ром исполнительницы являются глупыми, пассивными объектами продюсерского проекта: *«Жалко двух несмышленых девчушек, которых продюсеры заставляют играть в лесбиянок»* (*АиФ*, № 1105).

Выражение лесбийства, расцениваемого как коммерческое и искусственное, в текстах песен и поведении на сцене и в клипах, вызывает раздражение и неприятие как у авторов статей, так и, по их мнению, читателей, хотя лесбийские «страсти» не рассматриваются как опасные для общества в противовес демонстрации мужской гомосексуальности: *«организаторы тщательно отбирали парней на предмет «гетеросексуальности», чтобы не пропагандировать гомосексуализм в прямом эфире»* (*АиФ*, № 1101).

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. В публичном пространстве на уровне публичного обсуждения в печатных российских СМИ гетеросексуальный контракт является обязательной нормой, которая дискурсивно поддерживается через маргинализацию лесбийства. Лесбийство в публичном пространстве конструируется как специфический феномен с определенными границами: во-первых, репрезентируется через нарушение гетеросексуального контракта (лесбиянки – неправильные женщины) и, во-вторых, выталкивается в приватную сферу частных жизней и интимных отношений, в рамках которых может быть реализуемо исключительно «тайно». На публичную репрезентацию лесбийства (борьбу за права, инфраструктурную и законодательную поддержку, защиту интересов в политических и общественных организациях, даже на неформальные сети и клубы) в силу страха гомосексуализации общества накладываются ограничения. Исключительной возможностью появления в публичном пространстве является репрезентации лесбийских отношений как (гетеро)сексуализированных.

Поскольку же лесбиянки в представлении дискурса российских СМИ являются изначально гетеросексуальными (хотя и «неудачными») женщинами, то в случае необходимости они могут быть подвергнуты «терапии» и стать в конце концов «настоящими» женщинами с гетеросексуальным желанием.

---

[1] Определение категорий «лесбийство», «лесбийский образ жизни», «женщина-лесбиянка» до сих пор остается проблематичным не только в российской науке, где эта тема почти не разрабатывалась, но и на Западе (см.:Dunne,1997:26-27; Сэджвик, 2002: 24). В данной статье мы определим лесбийство как образ жизни женщины, при котором множественность ее устремлений (любовные, эротические, семейные и иные) направлены на женщину и сфокусированы на ней. Особенность этого определения состоит в том, что лесбийство в нем – это не просто идеология, верование, форма проведения досуга, интимные отношения, но определенный жизненный путь человека, форма бытия.

[2] В данной главе используются следующие аббревиатуры печатных изданий: Российская газета – *РГ*; газета «Аргументы и факты» – *АиФ*; газета «АиФ Петербург» – *АП*.

[3] В материалах прессы можно выделить три группы предметов обсуждения: 1. Гомосексуальность в целом; 2. Мужская гомосексуальность; 3. Лесбийство. Для каждого предмета характерна своя специфика не только в репрезентации, но и в событиях, вызвавших публикации, субъектах говорения, частоте упоминания. В данной работе мы не будем рассматривать вопросы мужской гомосексуальности и гомосексуальности в целом, которая часто служит собирательным образом для мужской гомосексуальности, а остановимся на материалах, посвященных и упоминающих исключительно лесбийство (сразу необходимо оговорить, что мы включаем и материалы, посвященные женской однополой любви/отношениям, в которых термин «лесбиянка» и т.п. иногда даже не употребляется), акцентируя свое внимание на анализе содержания статей.

Литература

1. Виттиг М. *Прямое мышление и другие эссе* (М.: Идея-Пресс, 2002).
2. Волков В., Калинченко С., Пищелко А. *Сексуальные извращения у осужденных женщин: учебное пособие* (Домодедово: МИПК работников ОВД, 1992).
3. Голод С., Кузнецова Л. *Социальные проблемы сексуальности: аннотированная библиография (90-е годы 20 столетия)* (СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2002).
4. Жук О. *Русские амазонки: История лесбийской субкультуры в России: 20 век* (М.: Глагол, 1998).
5. Здравомыслова Е, Темкина А. «Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности», *В поисках сексуальности: Сборник статей*, под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной (СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002), с. 549-558.
6. Кон И.С. *Сексуальная культура в России: клубничка на березке* (М.: ОГИ, 1997).
7. Нартова Н. «Молодежная лесбийская субкультура в Санкт-Петербурге», *Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга*, под ред. В. Костюшева (СПб: Норма, 1999), с. 209-226.
8. Роткирх А. «Любовь со словами и без слов: опыт лесбийских отношений в позднесоветский период», *В поисках сексуальности: Сборник статей*, под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной (СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002), с. 452-469.
9. Рубин Г. «Обмен женщинами. Заметки о «политической экономии» пола»,

Хрестоматия феминистских текстов. Переводы, под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной (СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000), с. 89-139.

10. Рубин Г. «Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории сексуальных политик», *Введение в гендерные исследования*. Ч. 2: Хрестоматия, под ред. С.В. Жеребкина (Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001), с. 464-534.

11. Свядощ А.М. *Женская сексопатология* (М.: Медицина, 1988).

12. Сэджвик И.К. *Эпистемология чулана* (М.: Идея-Пресс, 2002).

13. Темкина А., Роткирх А. «Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России», *СоцИс*, № 11, 2002, с. 4-5.

14. Фуко М. «Порядок дискурса», Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности* (М.: Касталь, 1996), с. 47-6.

15. G.A. Dunne, *Lesbian lifestyles. Women's work and politics of sexuality* (Macmillan Press LTD, 1997).